

Ромм М.

17/8 88

Всп. Москва - 1988 - 170 стр

Елена КУЗЬМИНА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕТЕКТИВА

Не хочу писать ни новеллы, ни рассказы — хочу восстановить чистый перечень событий. Без украшательства, без выписывания характеров, без всяких литературных правил. События настолько, я бы сказала, страшные и удивительные, что будут говорить сами за себя.

Ромм наконец закончил ленинский сценарий. Ему было дано на постановку большой исторической картины со сложным характером вождя мирового пролетариата два месяца.

Актером, в котором Ромм увидел человека, способного поднять этот образ, был Борис Васильевич Щукин. Актер театральный и очень плотно занятый в репертуаре своих театральных постановок. Театр, несмотря на почетную задачу, категорически отказался освободить Щукина для съемок.

Вся кинематографическая общественность, особенно режиссура, считающая себя «ровесниками Октября», иронически поглядывала не опытного, молодого нахала.

Никто еще, даже из маститых мастеров, не позволил себе коснуться этой темы. Самое главное, что никто не знал, как к этому отнесется Сталин. Считали, что на этом можно и голову потерять.

Ромм об этом не думал. Не по годам, а по существу уж очень у него было молодое, я бы сказала, юношеское нутро. Он как-то не думал о последствиях. К тому же положение в кинематографе у него было безысходное. Его уволили после окончания «Тринадцати» и обратно брали только при условии, что он возьмется за сценарий А. Каплера «Восстание». На экраны фильм вышел как «Ленин в Октябре» — название, которое дал ему сам Сталин.

Работа над фильмом с места в карьер началась всерьез. За эти два с половиной месяца Ромм приехал домой на часок раза три, и то потому, что очень болела Наташка, и я не могла от нее отойти.

Ему на студии поставили раскладушку, и он там спал и ел, и ни о чем другом, кроме работы, думать не мог. Да и вся студия работала на картину. Ни в установке де-

кораций, ни в пленке, ни в актерах не было ни одной заминки. Материал снятых кусков был хороший. Вся группа ходила счастливая и окрыленная. Сталин иногда интересовался, как идут дела. Это тоже подбадривало и грело всех работников. Госбезопасность выделила охрану для павильона, для Щукина и вообще для всей группы.

Я не понимала, от кого и от чего надо было все охранять, но, вероятно, в чем-то они были правы. Весь детектив начался со второй половины съемок фильма.

В каждом павильоне у стенки, немного к стороне от съемочного места, всегда стояли два кресла для отдыха. На одном было написано «Щукин», на другом «Ромм». Так поллагалось во всех группах. Место отдыха режиссеров и актеров.

Ромм обычно на отведенное ему место никогда не садился. Для этого у него никогда не было времени. Но на съемках Ленина, когда уставший Щукин присаживался, то рядом садился и Ромм. Они даже во время короткого отдыха вели разговор о том, как играть, чего не хватает, что пришло в голову, и т. д.

И вот однажды, когда съемочная группа вошла утром в павильон и зажгся свет, на стене, над креслами Щукина и Ромма, красной краской, похожей на кровь, были прилеплены руки с широко раздвинутыми пальцами. Несколько капель сбежали по стене и застыли, как кровь.

Эти знаки внимания в преступном мире означали предупреждение о смерти, если предупреждаемый не делал того, что от него кто-то требовал.

Госбезопасность обследовала эти зловещие следы, отпечатков пальцев не было. Кто-то квалифицированно проделал это в перчатках.

Пока не пришел в павильон Щукин, быстро закрыли это страшное предупреждение. Неизвестно, как на это отреагировал бы актер. Ромм только сказал:

— Тьфу, ты черт! Ерунда какая-то! Надо следить за психопатами... Давайте работать...

Через два или три дня опять случилась странная вещь. Несчастные кресла для отдыха стояли как раз под стальной балкой, на которой крепились тяжелые осветительные при-

боры. Эта штука была крепким и мощным сооружением.

Утром, когда Щукин еще не вышел из гримерной, а Ромм с кем-то разговаривал в стороне от декорации, Волчек, оператор картины, попросил осветителя немного изменить направление луча осветительного прибора. Помнится, что это был бригадир осветителей Ваня Яблоновский. Он кинулся выполнять желание оператора и как только стал ногой на стальной брус, так эта махина, сломавшись, как печенье, рухнула вниз, прямо на кресла. Сам Яблоновский успел ухватиться руками за доску, поддерживающую декорацию.

Все понимали, что стало бы с теми людьми, которые в это время сидели бы в креслах.

Опять-таки к приходу Щукина все последствия этого нелепого происшествия были ликвидированы.

Когда обследовали толстый, стальной брус, он оказался очень профессионально и аккуратно распилен и держался на тончайшей перемычке.

Всем стало немного страшно. Это уже не шутки! Люди, работающие в павильоне, стали приходить раньше и очень внимательно обследовать каждую деталь внутри и снаружи.

Госбезопасность пожимала плечами и тоже активно взялась за павильон. И не только за павильон. Но так ничего и никого не обнаружили.

Потом странные происшествия пошли одно за другим. Был случай, когда с большим трудом отснятую пленку, главное — актерскую, и к тому же негатив, всунули в пленочную коробку, в которой почему-то вдруг оказалась замазка. Пришлось все переснимать.

Следующая неприятность чуть не кончилась трагедией. Было куплено специально для фильма за большую валюту несколько драгоценных американских объективов. Эра Савельева, ассистент Волчека и его правая рука, расписавшись в получении, тщательно заперла их в своей операторской кабине с железной дверью.

Утром за нетронутыми запорами все объективы были расколоты чем-то тяжелым на мелкие куски. За аппаратуру отвечала Савельева. Девушка она была импульсивная, и ее пришлось вынимать из петли.

Настроение в группе делалось все мрачнее. Стало страшно находиться на съемках. Страшно ходить поодиночке.

Ромм говорил, что все это ерунда. Какая-то пошлятина. Что это розгрыш. Но как мне передавали, голос у него был не очень уверенный. Группа делала вид, что верила его словам, но страх все время висел в воздухе. Дома, в одну из наших встреч, Ромм вдруг сказал:

— Скорее разделаться бы с этой картиной... Я чувствую, как у меня начинает делаться все тоньше шея. Еще немного, и она не выдержит головы...

Я предложила: — Давай я напишу Сталину и все ему расскажу...

— Нет уж!.. В такую чертовщину никто не поверит... Сами как-нибудь справимся...

Но справиться было трудно.

Шла какая-то сложная натурная съемка. Все было в порядке. Свет горел нормально, беря энергию из собственных лихтенбагенов. Когда же объявили: «Внимание! Начали!» — свет погас. Все многочисленные провода толщиной в мужскую руку оказались перерубленными в нескольких местах. Ничьим жизням это не грозило, но требовалось много времени для замены и починки кабелей. А главное — ухудшалось настроение группы.

Когда группа дошла со всеми происшествиями до отчаяния и работать стало трудно, второй режиссер А. Д. Васильев, очень деловой и энергичный человек, закрепил за картиной на разнообразие роли молодых, сильных мужчин и поручил им денно и нощно по очереди дежурить вокруг павильона и особенно глядеть в оба во время съемок.

Роль детективов молодым людям видно пришлось по вкусу, и атмосфера вокруг фильма вдруг очистилась. Работать стало легче. Никаких «удивительных» происшествий.

Картину закончили в срок. Как раз к празднику Октября.

Наконец, сдав ее в комитет, Ромм явился допросил не будить его, даже если он будет спать без просыпа трое суток. Виновыков детективных происшествий так и не нашли. Кто это был? Кому это было нужно? Так и осталось для всех тайной.

(Начало в номере от 15 октября).

4